

Он умер в день Веры, Надежды, Любви

*Общая газета,
— 1999. — 7-13 окт.
— с. 9, 10*

Завтра — девятый день, как не стало Дмитрия Лихачёва

Вера, Надежда, Любовь и София. Эти начала были важнейшими в жизни Дмитрия Лихачёва. Жизни, которую от юности до последних дней определял императив библейского призыва — «...духа не угашайте».

Свое особое — теперь навечно вакантное — место в обществе Лихачёв занял именно потому, что обладал необычайной духовной прочностью. Она помогла ему пройти, как «второй университет», Соловецкие лагеря, вынести многолетние преследования КГБ в советские времена, а в новейшие — едкий лак официального признания. Назначенный российской властью главным интеллигентом страны, он сумел остаться выше «должности» — самим собою.

Он был ученый — и оставил книги, текстологические, литературоведческие, исторические и философские труды.

Он был заступник. Заступался за дома, парки, людей. За русский язык, северные реки, малые народы, музеи, библиотеки, памятники.

Он был — один в поле воин. При всей известности, всеобщем уважении от него веяло горьким одино-

чеством. Что-то беспомощное, потерянное проступало иногда в его облике. Его тихий голос звучал очень внятно, и его слушали — но слышали ли?

Он не мог, не хотел примириться с тем, что культура у нас отделена от государства куда отчетливее, чем церковь. Повернуть постсоветское государство к культуре — задача потяжелее поворота северных рек. Лихачёв трудился над нею годами, но закон о защите прав культуры, им созданный, так по сей день и не принят.

Как трагично звучит сегодня во всех поминальных речах слово «последний» — последний образец русского интеллигента, последний человек чести, последний нравственный ориентир. Но всё, что делал Лихачёв, он делал для того, чтобы не быть «последним»! Чтобы не обрывалась, длилась нить памяти, культуры, благородства.

«...Следовать путями доброты — очень и очень важно, — последняя фраза в последней книге Дмитрия Сергеевича «Письма о добром». И дальше: — Поверьте мне!»

Сумеет ли поверить?

О феномене личности Дмитрия Сергеевича Лихачёва наш обозреватель беседует с писателем Даниилом ГРАНИНЫМ.

— Даниил Александрович, вы были знакомы с Дмитрием Сергеевичем больше тридцати лет...

— Да. И когда сегодня мне говорят: ну, что вы хотите — девяносто два года, всё естественно, нормально, — я не могу этого слушать!

Для меня не было никакой старческой расслабленности, умственной дряхлости — с годами он не терял своей ценности, а только рос в ней, и счет тут шёл не на возраст, не на годы.

— Горько, что, когда изменилось время, кончилась жизнь. Ведь всенародная известность пришла к нему сравнительно недавно, с началом перестройки?

— Да, но против системы он поднялся задолго до перестройки. Еще когда издавали к 60-летию, кажется, юбилейный сборник, было приказано оттуда вырвать его портрет. Много лет он был не-

выездным: даже в Болгарию, которая его очень интересовала (письменность и культура южных славян) и куда его приглашал лично Тодор Живков, и то не выпускали.

— Сейчас все дружно твердят: он был знаковой фигурой. Но кто, по вашему мнению, различал эти знаки?

— У него была огромная аудитория. Он завоевал её сразу же, как только начал свою телеэпопею. Он начал говорить на телевидении о вещах, о которых больше не говорил никто, — о своих предках, родителях, учителях, о том, как его воспитывали. О душе. И этот переход в сферу нравственных идей сразу отделил его от сонма просто ученых и поднял до роли властителя дум.

— Он и сам был неотразимой «иллюстрацией»: манера держаться и строй речи — во всем проступали изящество и глубина, уже изъятые из обращения. К тому же за ним стояли его судьба, его безупречное имя.

Окончание на стр. 10

Он умер в день Веры, Надежды, Любви

Окончание. Начало на стр. 9

— И кроме того — великолепие образованности. В общении с ним я понял: главная история — это не история фактов и событий, главное — история чувствований и настроений людей. Та, что проходит сквозь пальцы у наших ученых, почти не присутствует в книгах, та, которой он владел как никто.

— Но в России человек, упорно остающийся верным себе, противостоящий ходу вещей, рано или поздно становится немного смешным и как бы лишним, начинает вызывать раздражение. Так было с Сахаровым, Солженицыным. Так было и с Лихачёвым.

— Нет, я не согласен. Лихачёв не выступал с политической программой, рекомендациями, требованиями, он говорил главным образом о внутреннем мире человека. Мы нуждаемся в наставниках, в пастырях, и когда находится человек, который проявляет интерес к нашему запущенному, отодвинутому куда-то на задворки внутреннему миру, — может ли это вызывать раздражение?

— Но ведь было такое: ну, опять Лихачёв, снова Лихачёв — всюду и всегда Лихачёв!

— Период девальвации? Но вина за это — на нашем обществе, в котором люди, исполняющие телевидение для саморекламы, бросали тень и на Лихачёва. Его обращения были нужны не ему, они были нужны нам! А он жил, руководствуясь толстовским принципом: делай, что должно, и пусть будет, что будет. Трава, говорил он, пробивает асфальт, и, если ты веришь в добро, нечего прикидывать, победит ли оно, — служи ему.

— И всё же даже в лучшие времена при всенародном признании, уважении, почитании он казался фигурой драматической.

— Что ж, мораль общества формируется силовыми приемами нынешней жизни, заставляющей прежде всего думать о выживании. Можно противопоставить всему этому одного человека?! Один человек против всей нашей жизни? В этом и была, быть может, трагедия Лихачёва...

— И всё же, как истинный человек культуры, он успел невероятно много...

— Всего невозможно перечислить. Истинное светило в области древней русской литературы, он сумел сделать ее частью современной живой культуры. Под его редакцией изданы уникальные книги. Он был блестящий мыслитель. Чего стоит недавняя статья, опубликованная в «Новом мире», где он доказывает, что все разговоры об особой миссии России не имеют под собой почвы, что их можно отнести по ведомству «ущемленного патриотизма» и что все это продиктовано желанием оторвать Россию от Запада...

А скольким людям он помог! Многие и не знают, что за решение своих проблем должны благодарить Лихачева.

— А чем ему обязан Петербург!

— Ни много ни мало, Невским проспектом. Ведь в начале 70-х Невский собрались перестроить. Был такой помпезный проект, снискавший одобрение партийных бонз. Лихачёв тогда выступил на городском архитектурном совете. Он говорил о том, что каждое здание на Невском — участник исторических событий, что это история России и нельзя разрушать ее в угоду показухе и невежеству. В итоге проект похерили.

А Царскосельский парк, где собирались вырубать старые деревья и строить ресторан? А парки Петергофа?

— Самоценной редкостью и тогда, и особенно теперь было его явственное бескорыстие. Мне рассказывал один человек, ездивший к нему подписывать очередное ходатайство, что дом его — на проспекте Шверника, вдали от исторического центра, что квартира самая скромная и всё в ней занято книгами, и академик вышел, закутанный в одеяло, — в доме было очень холодно...

— Да, он жил в доме хрущевского типа, где не хватало места для книг, они лежали даже в спальне, чтобы добраться до кровати, он должен был перебираться через груды книг. Дача его в Комарово — академическая коммуналка, несколько крошечных комнаток в большом общем бараке. Материальная сторона жизни для него не представляла никакого интереса. Он не считал для себя возможным роскошествовать, пользоваться своей репутацией, положением. Это был естественный жизненный принцип, и, следуя ему, он чувствовал себя хорошо.

За все годы, что я знал Дмитрия Сергеевича, я в нем ни разу не разочаровался.

Он соединял жесткость и строгость в оценках с терпением и терпимостью. Там, где я взрывался и мог послать подальше, он выслушивал, помогал, подписывал...

— А как он относился к власти?

— Они для него существовали, только если были человеколюбивы, иначе переставали существовать. Он их уважал, если они с уважением относились к культуре. В нем не было никакого чинопочитания, никакого трепета перед «высшими», он вообще был довольно ироничный человек.

— И своим влиянием на президентов пользовался весьма аккуратно...

— Но когда решался вопрос, участвовать ли Ельцину в захоронении останков царской семьи, Лихачёв без колебаний послал ему телеграмму: «Вам надо приехать в Петербург». Вообще, всё, что Дмитрий Сергеевич писал президенту, попадало к нему в нераспечатанном виде — так распорядился сам президент.

— Что думал Лихачев о происходящем с нами? Как ощущал будущее?

— У нас был с ним недавно большой разговор о пессимизме и оптимизме. Он говорил, что самое пессимистическое из всех учений — марксизм. Потому что пытается нас убедить: материя первична, а дух вторичен. Но считать материю первичной, верить, что бытие определяет сознание, говорил Лихачёв, значит обессилить себя, обречь на то, чтобы подчиняться бытию. А как же свободная воля человека, жизнь его духа, независимая от внешних причин?.. Вот в этом высшем смысле он всегда глядел за горизонт событий и оставался оптимистом.

— Осталось ли у вас какое-нибудь особенное дорогое воспоминание?

— Вот хоть последнее. Этим летом с одним знакомым мы заехали за Дмитрием Сергеевичем на дачу. И повезли его на озеро Красавица — оказалось, он там никогда не был. Стоял обычный будний день, очень теплый, солнечный, дети плескались, собаки носились. Мы взяли с собой раскладные стулья, сели на берегу и сидели часа три. Он наслаждался Красавицей, лесом, этим днем, а мы — его радостью...

— А можно с ним было пошутить, посмеяться, водки выпить?

— Еще как! У него было прекрасное чувство юмора, недаром же он книгу о смехе в древней Руси со своим учеником написал. Анекдоты очень любил, хохотал до слез. Летом я собрался на Соловки и перед отъездом зашел к нему. Он рассказал мне, что и где смотреть (между прочим, когда он сидел, там была совершенно особая, отборная публика) — и на прощанье мы с ним выпили водки...

— Что он значил для России?

— Мы все остались беззащитны. Смерть Лихачёва — личная потеря для множества людей. Нам больше не к кому прислониться душой.

Главное, что он оставил нам, — свой пример и призыв. К милосердию, интеллигентности, добру. Ко всему, чему следовал сам и чем превыше всего дорожил.

Беседовала
Марина ТОКАРЕВА